

Философия и не-философия.
Введение

Франсуа Ларюэль

Философия и не-философия. Введение

Франсуа Ларюэль — Université Paris-Nanterre, Paris, France;
email: francois.laruelle@free.fr

Пер. с фр. Никиты Архипова¹

В тексте производится одна из наиболее важных демаркаций, очерчивающих предметное поле не-философии: между этой последней и собственно философией, которая предстает в качестве релятивизированных «модусов, эффектов или частных случаев, совокупно указывающих на новое мышление». Это новое мышление, которое носит не-философский характер, рассматривает философское в качестве эмпирического, как *datum*, как собственное сырье, отвергающее всякую само-достаточность философии (закольцовывание в себе самой как собственном основании, редукция всякой проблемы к необходимости обоснования внутри философии), — называемую автором «Принципом достаточной философии» Задача не-философии — фактуализация философий и, таким образом, вынесение за скобки фундаментальной, по мысли Ларюэля, и неизменной во всех своих модуляциях, философской веры. Подобная квазитрансцендентальная редукция опирается на Одно, тогда как фактуализированные философии обращаются в хаос/хору, понятую как «бесполезное философское сырье», оперируемое вокруг не-философского Реального-Одного посред-

¹ Перевод с французского Никиты Архипова по изданию: © Laruelle, F. *Philosophie et non-philosophie*. Liege; Bruxelles: Mardaga, 1989. Публикуется с любезного разрешения автора.

ством «видения-в-Одном». Отчасти мистически описываемое Ларюэлем «видение-в-Одно(м)» — фундаментальная не-философская операция, «модус мышления, который пребывает в одном единственном Одном, автономном относительно Бытия и выступающем реальным основанием <...> науки», некое новое мышление вообще, в котором — как в предельном опыте — «философия может быть дана человеку». Выигрыш, полагаемый, как считает Ларюэль, подобным демаршем, заключается в открытии «беспредельного поля комбинаторных возможностей», которые не будут самозамкнуты посредством жеста повторяющегося структурно гомогенного жеста «философского решения», а найдут, таким образом, выход. Наконец, наиболее, вероятно, важное — это «радикальное очеловечивание мышления, которое перестало быть трансцендентным Factum'ом или Миром, чтобы превратиться в коррелят Одного — человека, приведенного к своей сущности».

От «открытых философий» к «не-философии»

Не-философия — одно из решений (*solutions*), к которому наша эпоха, следуя за многими прочими, обязана обратиться, отвечая на проблему нового стиля письма и новых практик в философии.

Если мы определяем не-философию извне, то ее программа может быть сформулирована в виде следующих вопросов. Как продолжать занятия философией, не обрекая себя на ее историю? Как не впадать в череду бесконечных комментариев, посвященных философским произведениям и доктринам? Как не довольствоваться исключительно деконструкцией последних? Как производить новые тексты и новые образы мышления, не считаясь с уже существующими материалами, принятыми в качестве нормы, и не полагая философию завершенной и утвердившейся в своем авторитете? Как перестать довольствоваться вечным и без конца повторяющимся подрывом этого авторитета? Как прекратить рассматривать философию как все еще не осмысленное прошлое или скрытую традицию? Как не сводить ее к допущению о том, что всякая работа мышления упирается в производство манифестов с целью устремить это мышление к будущему, и только к будущему? Как перестать без конца комментировать забытие философии, продолжая участвовать в бесконечной игре в подозрение от ее же имени? Как сделать ее полностью актуальной, позитивной и достаточно определенной, чтобы она не нуждалась в операции решения или в другом вспомогательном действии? Если сущностно определить не-философию, исходя из ее возможности создавать новое, то окажется, что речь идет о квазинаучной практике философии, которая избавляет нас от двух отношений, которые философия может поддерживать с собой же, погружаясь в них и парализуя себя ими: она сконцентрирована на своей истории и работает с текстами, образующими эту историю. Следовательно, философия заинтересована своим прошлым и текстом этого прошлого. В том и другом случае проблема упирается в нарциссизм, «филоцентризм» и самодовольство.

Проблема не-философии, сформулированная в таком ключе, *явно* противоположна проблеме деконструкций, представленных именами Витгенштейна, Хайдеггера и, в частности, Деррида. Что обуславливает эту явную противоположность, указывающую на реальное различие между ними? Разумеется, каждая философия задает новые практики и стили письма. Однако эти практики и стили появляются внутри конкретных общих предпосылок, конкретных норм, которые определяют правильность и пригодность знания, но никогда не ставятся под сомнение. Эти предпосылки выступают фундаментом философии и обосновывают ее власть над самой собой, выраженную в исключительном, незыблемом и неотчуждаемом праве диктовать себе законы, программировать свои преобразования и определять приемлемые изменения. Таков предельный свод правил, которые, вопреки всему, обеспечивают связность философского решения, выраженного в виде представления, предположительно образующего реальность. Эта связность выражается в виде таких феноменов, как понятийное и тематическое единство, линейность, интенциональность, а также в конкретной нарративной специфике философского текста, который, на первый взгляд, всегда отсылает к реальности: не только для того, чтобы описать последнюю, но и преобразовать ее.

В самом деле, философия, по сути своей, революционная практика. По этой самой причине она не задалась вопросом, как возможна революция как жест — или даже совершение последней. Дело в том, что философия спонтанно практикует революцию. В XX веке она столкнулась с множеством переломных моментов: витгенштейновские языковые игры, обобщенная серийность и унивокальная случайность Делеза, введение Другого в качестве абсолюта или иудейского Другого (деконструкция) Деррида. Тем не менее все революции, трансформирующие, растягивающие и увеличивающие философское решение, продолжают в последней инстанции гарантировать его плотность и предельную связность, тем самым оставляя этому решению го-

сподство над собой и реальностью, а кроме того — частичную самозаконодательность, характерную для всех перечисленных философских авантюр.

Как объяснить это непрерывно революционное положение философии, в конечном счете враждебное к любым изменениям? Структурное правило философского решения (но также правило трансцендентальное, поскольку оно воздействует на себя же, воздействуя на организуемое и распределяемое им) — Единство-противоположностей, кольцевая равнообъемность Одного и Диады (помимо ряда исключений). Тем не менее это предельное правило слипания понятий не просто не было сломано, но было улучшено и наделено статусом имманентного как современным философским сериализмом, так и деконструкцией, где одна из противоположностей Диады просто-напросто замещается Другим-которого-нет. Разумеется, оно царствует как никогда раньше, скрываясь в конкретной «рациональной» и «критической» практике понятий, которая выступает лишь формой этого правила, но особо застывшей и затемненной отрицанием последнего. Никакая философия не может приостановить действие этого правила, которое кажется «естественным» философу, как гармония и тональность кажутся естественными музыканту, а капитал — капиталисту. Самое большее — стало возможным исказить работу этого правила, ослабляя Диаду инаковости или различания: теперь эта Диада представлена Одним в его модусе Иного, а не бытием в модусе Бытия или двух. Однако этими изменениями не удалось добиться ничего фундаментального... Поэтому настоящая революция (*la révolution*), которая была бы не круговым движением (*une révolution*), но пошатнула саму практику философии как кругового движения (*révolution*), все еще пребывает в режиме ожидания. Таким образом, «не-философия» должна попытаться взять за скобки эту традиционную — и характерную для всякой философии — предпосылку, на основании которой философия мнит, будто учреждает реальность, а вместе с ней — феномены, которые сопровождают философию, обосновывая

ее влияние на реальность: ее необходимость и ее легитимность, которые никогда не ставились под вопрос ни одной из деконструкций. Не-философия будет осуществлять этот демарш: производя новые практики и стили философии, действительно представляющие новизну своей техникой, но прежде всего — своим неподчинением старому набору правил, который учреждает предельную связность или нераспадаемость философского решения, мнимо тождественного реальному.

Даже если философия не впервые пытается раздробить или рассеять свой предмет, как и соответствующую линейность своего дискурса, заменить описание референта на разговоры о работе означающего или текстуальности, в текущий момент проблема сместилась и стала более фундаментальной. Философский текст характеризуется двумя феноменами: его неизменной линейностью и манерой рассуждения. Оба этих качества связаны с предпосылкой о том, что философский дискурс учреждает реальность посредством смысла, истины и ценности. Не существует философского дискурса, который самопроизвольно не разделялся бы на свой предмет или референт (реальное как бытие, сущность, субстанция, дух, воля к власти, текст и т.д.) и интенциональное созерцание — так или иначе искаженное — этого референта. Вопреки любым воздействиям это деление будет оставаться диадой, которой равнообъемно Одно или дуальность унитарного типа: диада реального и языка. Эта ходящая по кругу интенциональность философского дискурса, выраженная как [понятийным] удвоением, так и удвоением референта, это телеологическое использование языка, нацеленного на сущность (*réel essentiel*) (ей вполне может оказаться сам язык), эта работа с понятиями, эта само/ино-отсылаемость² — вот совокупность всего того, что необходимо

² *Référentialité* обозначает способность производить отсылку к предмету или референту, закрепляемым за тем или иным словом, *auto* — приставка, демонстрирующая, что некое действие отражается на себя же, тогда как *hetero*, производное от греческого *heteros* (иной), может быть переведена как «ино». Получившееся составное понятие само/ино-отсылаемости сжато резюмирует сказанное о философии ранее по тексту. — Прим. пер.

разрушить, чтобы освободить реальность от языковых галлюцинаций; чтобы в конечном счете язык мог одиноко блистать для самого себя. Этот демарш и будет называться не-философией.

Чтобы подступиться к не-философии и обнаружить радикальное мышление, предшествующее философскому решению, будет недостаточно практиковать ничем не ограниченный и унивокальный сериализм (обобщить все измерения философии через серию) и тем самым уничтожить тематическую связность, областную автономию и ориентированность на предмет, присущие традиционному дискурсу. Недостаточной представляется и трактовка серии как одного из ликов — все еще «метафизического» лика — квази-системы, чье Иное будет не только относительным, но абсолютным р(а)зличием. Поперечность и пограничность (*transversalité et limitrophie*), серийность и дополняемость-замещаемость (*supplémentarité*)³, обобщенный синтаксис (вместо конкретной темы, предмета или области). Перечисленное позволяет нарушить цельность определенных особо догматичных и массивных форм философского представления, но сохраняет суть последней, фетишистски применяет ее, будто это факт или неминуемая традиция, образующая реальность. Таким образом, обнаруживается изрядное число фильтров и препятствий на пути более «свободного» применения языковых приемов, которым навязываются норма и априори в виде «философского решения», представленного как форма унитарной двойственности или обращающейся одновременности Одного и Двоицы: например, субстанция и понятие, но также серия и замещение (дополнение), разли-

³ *Supplémentarité* — понятие Ж. Деррида, синонимом выступает также термин *differance supplémentaire*, «добавочно-замещающее различие». Говоря о свойстве «замещаемости»/«добавочности» Деррида утверждал, что именно оно «делает возможным свойственное человеку или его подлинное». Вымысел человека о самом себе выступает своего рода протезом или дополнением к человеку, его *supplément*. В то же время на место этого вымысла может встать другой вымысел, что позволяет говорить уже о «замещении». Деррида пользуется этим термином и в более широком философском контексте, а не только в разговоре о специфике человеческого. Поскольку термин содержит двусмысленность, через дефис указываются два возможных перевода. — Прим. пер.

чие и различание. Строго говоря, это и называется «философскими решением».

Следует не столько критиковать или деконструировать представление (хотя мы допускаем, что вопреки всему оно образует Одно, реальность, а еще по-своему выступает реальным), сколько разрушить глубинную связь между реальностью и ее представлением, освободить их друг от друга, вытащить их из апории, внутри которой они обречены взаимно мешать друг другу после того, как их туда забросили Греки, назвав это «философией».

Что делать, и какие конкретные меры следует предпринять? Больше нельзя просто вынести за скобки, как исчерпавшие себя или ограниченные, общие аксиомы, которые если не скрепляют целые философские сообщества, то, по крайней мере, обосновывают наш здравый смысл в конкретную эпоху. Например, больше нельзя привести философию в отношение с ее Иным, с не-философским, или даже в более строгой манере — привести безотносительное-Иное в отношение с философией. Нельзя разомкнуть (*ouvrir*) Иное, или, напротив, позволить Иному разомкнуть философию. Следует вынести за скобки веру-в-философию, повсюду учреждающую свои правила, отказаться от стихийного верования, согласно которому существуют логос или логоцентризм, Иное или Неразрешимое. Следует не наивно придерживаться этих правил, но скорее задаться вопросом, откуда мы берем эти аксиомы, и почему мы сообщаем им абсолютный авторитет. Как они снискали наше доверие, навязали себя и потребовали отождествиться с ними? Быть может, имеется возможность стать более радикальными и даже научиться сомневаться — в определенных пределах мы придем к этому — в аксиоме всех аксиом, в философской вере, будто философия существует. Откуда мы знаем, откуда черпаем очевидность или объективную философскую кажимость (если не саму философию), будто философия реальна и может сама определять свои законы? Без сомнения, философия как-то существует, но что за модус характерен для этого существования? Что за необходимость скрывается за этим «существует» (*il y a*)?

Все эти аксиомы, и даже последняя, образуют черты трансцендентно-трансцендирующего эмпиризма и выставляют философию в качестве данного фактически, более или менее идеализированного и автономного образования, которое трансцендентно вещам и человеку, но также имманентно им. Однако она не целиком имманентна самости или человеку: она такова в качестве рационального факта или априорного факта, традиции и принудительного призыва, судьбы и ниспосланного нам, истории и предписанной возможности. Тем не менее философские аксиомы, ориентирующиеся на трансцендентность-трансцендирование, в худшем случае предписывают бесконечное комментирование, в лучшем — иную работу с текстом. Это подразумевает ряд вторичных и замещающих друг друга операций, направленных на прошлое или, что то же самое, традицию. Таковы разделение и отождествление, решение и полагание, переворачивание и смещение — операции техно-телео-логического типа. Философская практика сводит мышление к однообразной и малоувлекательной смеси истории и технологии. Какими бы разнообразными ни были перечисленные практики, их общая черта — предполагать философию погруженной в стихию трансцендентности и считать ее завершенной. В данном контексте «завершенность» означает реальный и абсолютный характер философии. Даже если существует необходимость дополнить операцию решения и заместить философское понятие «инаковости», даже если эта завершенность выступает иллюзией, она все равно определяет повестку философии или задает ее завершенность как абсолютную. В основании философии находится двусмысленность (очередное имя правила одновременности Одного и Двойки, реальности и представления), учреждающая ее произвольные стихийные практики: философия практикует обращение к понятиям факта и реального, к традиции и абсолюту, к относительному и абсолютному. В силу этой двусмысленности операции мышления взаимно препятствуют друг другу, что провоцирует неизбежный паралич и внутреннее торможение — симптомы, которые подтверждаются актуальными практика-

ми философии. Однако мы описываем лишь следствия двусмысленности, к которой сводится всякое философское решение, но дальше последует его критика.

Не-философия — это не полное отрицание философии или ее уничтожение (невозможное), но другая манера пользоваться ей, единственное употребление, которое может быть определено в отрыве от ее спонтанной уверенности в самой себе. Это практика философии, которая более не укоренена и не заперта в философской вере, но позитивно учреждает себя, вынося эту веру в скобки. Не-философия — это практика философии, которая подчиняет последнюю извне, но не подчиняет человека. В то же время ее непосредственная практика независима для себя самой, но подчиняет человека. Однако мы не настаиваем на отказе от деконструкции или завершении эпохи текстуального, если в итоге они будут замещены практиками того же порядка (за вычетом замещающей изменчивости и операции решения), опирающимися на ту же веру или иллюзию о все-могуществе, на аксиому о фактах, традиции, неизбежности философии и объективную философскую Кажимость, реквизирующую нас к себе на службу.

Предварительная задача — устранить это глубинное верование, устранить тождество факта и реальности, трансцендентности и имманентности, философии и Абсолюта, довести философию до состояния сырья или простых данных, предназначенных для той или иной познавательной дисциплины, а не технико-телеологической самотрансформации. Следует перевести ее из состояния пресловутого факта в состояние данного. Благодаря этому откроется доступ к более фундаментальным операциям, нежели Смещение, Решение или Полагание, которые всегда вторичны, просрочены и определены самим *factum*'ом⁴. Не-философия — единственное применение фи-

⁴ *Factum* - термин Канта (в оригинале *Faktum*), обозначающий факт разума. Сам Кант пользовался латинским термином, чтобы терминологически подчеркнуть различие между фактами разума и эмпирическими фактами. — *Прим. пер.*

лософии, которое не запрограммировано самой философией. Но тогда чем или кем? У нас есть ответ: Одним и мышлением об Одном / мышлением Одного или «в́идением-в-Одном», а в конечном счете — скорее наукой, чем философией. Не-философия будет тем, что реальный опыт мышления, который мы называем В́идением-в-Одном(м), изъят из философии.

Настоящее развитие мышления, его прорывы или изменения, сводятся не к тому, чтобы немного сильнее размазать существующие феномены (такова философская практика), очертить их непрерывность относительно друг друга, перейти от модусов к бесконечным и безграничным атрибутам или перейти от эмпирического к универсальному априорному, но чтобы релятивизировать сущности, которые представляются как реальные или абсолютные, полагая их модусами, эффектами или частными случаями, совокупно указывающими на новое мышление. Следует рассматривать стихии, эфир и атрибуты в качестве модусов, философское априорное — как эмпирическое, а также разоблачить злоупотребления предполагаемыми «универсалиями», которые всегда оказываются древними формами мышления, стремящимися увековечить себя. Сегодня философия «открыта» и стремится двигаться вперед: она ищет Иное, чужестранное, «не-философское». Но она столь революционна только потому, что она продолжает верить в работоспособность старого образа мышления, тогда как метафизика революционизируется только для того, чтобы обеспечить будущее своим отпрыскам. Философия лепит «снежный ком», благодаря которому более или менее все ее прошлое целиком сохраняется в памяти философов, а каждое из ее решений претендует взваливать на себя ее прошлое целиком. И она сводится не только к практике самосохранения, но и верит как в ценность прошлого, так и ценность этого самосохранения. Она революционна, и, подобно всем революциям, она ожесточенно вновь и вновь тычет своим прошлым и признает его источником нормы, продолжая считать его абсолютно работоспособным. Не-философия должна положить конец этому лицемерию и консерватизму.

Философия — материал для не-философии

Для не-философии характерны два аспекта: с одной стороны, она превращает философию в ничем не примечательный материал (*matériau*), с другой — формулирует новые позитивные не-философские правила работы с этим материалом, выведенные из видения-в-Одном(м).

Но что означает «рассматривать философию как материал или данные»? Как уточнялось ранее, следует, исходя из видения-в-Одном, подвесить или взять в скобки самозаконодательность философии, телеологию, превращающую ее самоцель, остановить характерное для нее хождение по кругу, отменить необходимость говорить о самополагании этой дисциплины как об абсолютном факте, традиции или «неминуемой» судьбе.

Философия не просто выступает набором категорий и предметов, совокупностью синтаксисов и опытов, решений и положений (*position*). Она одухотворяется и пронизывается верой в себя как в абсолютную реальность, интенциональность, отсылающую к реальности, которую она стремится описать и даже учредить, или даже к самой себе в качестве реальности. Ее фундаментальное самополагание также может быть названо самофактуализацией или самофетишизацией, другими словами — всем, что мы объединили под термином «Принцип самодовольной философии». Взять упомянутые феномены в скобки — значит дефактуализировать дефетишизировать или отринуть философское решение, воспринять его в качестве материала, без сомнения, философского, но философски инертного и стерильного. Мы назовем хаосом или хорой — вот еще два понятия, которые следует переделать, — состояние философии, при котором она трансформируется в бесполезный (*stérile*) материал. Общая форма решения (соединение-противоположностей или форма-смесь) рассматривается в не-философии наряду с прочими предметами, категориями и высказываниями философии, теряя возможность определять этот материал и быть правилом его интерпретации, задавать теоретический горизонт или точку зрения.

Тождественно ли это уничтожению философии? Очевидно, нет. Речь идет о трансцендентальной редукции: о неопределенности, возникшей в результате устранения единственного философского определения (решения, формы-философии, формы-смеси), таким образом, о хаосе. Кроме того, философское решение попадает в пространство, где его роль вторична. Такова хора. Далее мы объясним это. Нигилистическое уничтожение (*déstruction*) философии было бы неопределенным и ограниченным в силу своей противоречивости, ведь оно, стоя на руинах решения, вновь дарует ему мощь и авторитет. Ранее упомянутые хаос и хора не образуют нового решения, но коррелируют с Одним или видением-в-Одно(м), обосновываются как их необходимое следствие, как результат уже завершенной трансцендентальной редукции, которая влияет на Мир и Философию, а не только на ряд частных философских позиций. Если мы, находясь в трансцендентальной перспективе, рассмотрим Одно, которое будет одним, а не в смеси с Бытием или Трансценгентностью, то тем самым вынесем за скобки приоритет или теоретическую пригодность синтаксиса философии, ее конструкций и манеры распределять Одно, ее норм и экономий. Отстранение перечисленных теоретических образований и их сохранение в качестве данных или сырья, чьи свойства необходимо описать. В отличие от деконструкции, и тем более традиционных философских практик, не-философия рассматривает философию только как стерилизованный предмет, а не как знание о предмете или же как знание о себе. Таким образом, философия рассматривается как «опора» (*support*), «повод» (*occasion*) и «данные» (*donnée*) для иной мыслительной деятельности. Этот проект не преследует цели подорвать, продолжить, перевернуть с ног на голову, сместить или взломать [ouvrir] философию, ведь речь идет о простом изменении ее функции: из своего начального состояния она переходит в состояние «обычного материала», у которого есть свои законы, однако последние больше не могут навязываться как единственно возможные, как это происходит в области технологий. Не-философия — это не технологический процесс, но скорее что-то, напоминающее научный процесс.

Поэтому необходимо сразу отличить всякую работу по сериализации или деконструкции, которые сохраняют работоспособность решения и делают его неминуемым, и учинение хаоса, трансцендентально дробящего философское решение, превращая его в простой материал посредством видения-в-Одно(м). Неважно, открылись ли они по своей воле или были взломаны, но этим «открытым» философиям, соответствующим современному идеалу «открытого произведения» и все еще подчиняющимся Принципу самодовольной философии, противопоставляется не-философия, которая больше не стремится открыть или приотворить философию, но стремится прежде всего погрузить ее в хаос или хору, в чистую неопределенность. Таким образом, не-философия не пытается, отправляясь по ту сторону этого хаоса или даже вступая в конкуренцию с ним, сформулировать правила, предназначенные в очередной раз спасти философские притязания и самодовольство.

Не-философия не отрицает существование философии, но избличает двусмысленность, заложенную в сам термин «существование». В этом термине происходит смешение между мнимой данностью философии и данностью реальности. Не-философия устраняет это смешение, различая существование в виде материала и фактическое существование, выступающее следствием скрытого решения. Нам возразят: «Но философия существует! Это факт! Традиция! Судьба!». Такое возражение следует критиковать и избличать как самое настоящее проявление принципа самодовольной философии, как процесс самофактуализации и самофетишизации философии, по меньшей мере — как эксплуатацию двусмысленности термина «реальность». Кто мнит, будто философия существует как трансцендентный факт, будто она обречена начинаться вновь? У этого вопроса есть лишь один ответ: только философ, отождествляющийся с философией и отождествляющий ее с собой, существует в такой манере, воспринимая философию через ее самополагание, а не в качестве простого материала. Этот механизм самофактуализации, наделяющий философское решение тран-

сцендентностью и трансформирующий его в мнимую данность, должен быть проанализирован и обличен как главный фактор философского фетишизма и сопротивления. Следствием этого становятся отсылки к себе, самозаконодательность и самопризнание, присущие философии. Ее существованию — в качестве факта, традиции или судьбы — будет противопоставлено ее существование в виде не-философского хаоса, в котором плавают философские решения, извлеченные из своего изначального контекста. Подобное расшатывание авторитета философии и ее самофактуализации порождает разнообразие сырья, к которому можно применить новые правила.

Впоследствии не-философия даже не будет ставить перед собой проблему или показной вопрос, который мог бы стать последним способом оправдать нормативный характер философии или ее телеологию, что ограничило бы не-философию. Этот вопрос звучит так: в каком смысле речь все еще идет про философию? В чем состоит связь или как происходит синтез между «не» и «философией» в термине «не-философия»? В свете этого унитарного вопроса об отношении «не» и «философии» или их синтеза не-философия может показаться унитарной симуляцией философии. Однако, если этот проект может сойти за своего рода философскую фантастику, то разве что из перспективы самой философии. «Не» производно от *Одного* или *видения-в-Одно(м)*, а не от *Бытия* или философии. *Одно* соприродно науке (мы вернемся к этому положению), а не «философской фантастике», понятой как простой философский вымысел. Необходимо остерегаться подобной телеологичности, трансформирующей не-философию в симуляцию философии. Рискуя обосновать эту формулировку позднее, мы скажем, что если философия и изображает философию, то она делает это только в последней инстанции, поскольку в силу случая (*contingent*) ее материалом оказалась философия. Таким образом, ощущение симуляции возникает из-за специфики материала, а не самой сути не-философии. Причина, по которой не-философия, не сводится к подобной симуляции, вновь сво-

дится к идее о том, что этот проект — научный процесс, а не философский или технологический.

От Единства-противоположностей к В́идению-в-Одно(м)

Второй аспект не-философии носит более позитивный характер. Она не может ограничиться только привнесением хаоса: декодирование философского решения, доведенное до конца, демонстрирует, что из этого радикального хаоса, предшествующего решению, рождаются правила, ранее неизвестные ни одной возможной философии. Это не правила по ограничению, разрушению или перекодированию философии. Кроме того, они не равнообъемны самому хаосу, что происходит в случае обобщенного сериализма, в котором онтологическое рассеивание приобретает схожесть с трансцендентной нормой. Эти правила вытекают из хаоса, имманентного философским решениям (хаос изначально относительно этих правил, поскольку и сам оказывается следствием Одного — это будет объяснено далее). Дела обстоят следующим образом: если структурные правила философского решения, которые обосновываются самим решением и выражают его, телеологически обременены необходимостью предотвращать угрозу внутреннего и внешнего распада решения и способны делать эту угрозу приемлемой или интегрировать ее (даже деконструкция — способ заранее предотвратить распад решения), то не-философские правила предполагают, что из в́идения-в-Одном(м) хаотичное состояние философии кажется изначальным и первичным. Различные философии и стили деконструкции начинают с предположения, будто философия существует (как *factum*, традиция и объективная явленность) или вооружаются аксиомой о существовании независимого и автономно решения, а впоследствии лишь частично дробят его (вводя загадочное Иное, которое призвано относительно, абсолютно или относительно-абсолютно перевернуть решение с ног на голову). В то же время мы действуем в «обратном» ключе. Мы начинаем с положения, согласно кото-

рому философия не существует, или больше не существует, по крайней мере в ее обычном авторитарном ключе: сначала как рациональный, а затем трансцендентальный факт — образование, которое управляет телеологическими операциями над самим собой. Философия дается как материал, очищенный от решения.

Пользуясь этим материалом, мы выстроим текст (иногда он будет казаться философским) посредством правил, которые предполагают хаос, а не ограничивают его. Сохраняют его как есть, а не вбирают его в себя, устраняют или преодолевают. Опираясь на не-существование философии, умудряющееся философствовать, мы попробуем создать последнюю. Однако это актуально-будущее производство философии без прошлого может быть (по меньшей мере, если ориентироваться на самополагание, характеризующую философию, и ее типичный образ) только не-философией, что делает ее еще более позитивным феноменом⁵. Учитывая, что эти правила находят свой исток в видении-в-Одно(м), которое и навязывает столь радикальное хаотичное рассеивание старых решений, они больше не будут ограничивать или производить нормы, поскольку никак не будут связаны с унитарной организацией и экономией. С одной стороны, они имманентно вытекают из видения-в-Одном и из (не)-Одного в качестве результата дробления философских решений. С другой стороны, они станут правилами для написания величайшей или даже бесконечной увертюры⁶ мышления — увертюры, образующей первое,

⁵ Говоря о позитивности, автор намекает, что частица «не», которой отмечено название его проекта, не подразумевает негативного характера «не-философии». — *Прим. пер.*

⁶ Французское слово «*ouverture*» может трактоваться как «открытие», «размыкание» (Хайдеггер), «открытость» или музыкальная «увертюра». В настоящем введении Ларюэль несколько раз обращается к аналогиям, взятым из области музыки, а, кроме того, в одном интервью автор признается, что всегда хотел стать музыкантом. Однако выбор «увертюры» в качестве перевода связан не только с жизненными интересами автора текста, сколько со стилистическими соображениями относительно конкретного предложения. Определения «бесконечная» и «величайшая» куда лучше согласуются с термином «увертюра», нежели с «открытием», «размыканием» или открытостью. Также следует добавить, что «увертюра» вмещает в себя идею «открытия», поэтому перевод ничего не теряет. Альтернативная версия перевода могла бы выглядеть следующим образом: «С другой стороны, они станут правилами, лежащими в основу величайшей или даже бесконечной открытости мышления. Открытости, составляющей его начальное или первое — а не второе или вторичное — измерение». — *Прим. пер.*

а не второе или вторичное, измерение мышления⁷. Эти правила станут единственно возможным представлением хаоса философских решений. Таким образом, не-философия строго представит, как философия выглядит для видения-в-Одно(м). Только как инертный материал.

Эти правила помогут дать иную формулировку философским высказываниям (низведенным до состояния материала, стерилизованного от философского) посредством структур нового опыта мышления, который мы называем видением-в-Одно(м) и рассматриваем в качестве путеводной нити для новых практик философии. Бесплезно претендовать на описание, даже общее, этих правил, пока мы не сумели выстроить понятие видения-в-Одно(м), пока мы не сместились на позицию этого видения, чтобы по-новому взглянуть на философию. Не-философия образована тем, что мы увидели в-Одном философии, но это видение, отнюдь не сводясь к мистической интуиции, формулируется в виде правил и практик столь строгих, сколь и упорядоченных.

Научная практика философии

Можно утратиться столь радикальной открытости и ощутить головокружение перед пропастью «непроконтролированных» и неконтролируемых возможностей, которые открываются перед обновленной формой философской практики, предлагаемой в этом тексте. Однако представляется возможным перечислить правила, позволяющие бороздить этот хаос.

⁷ Различение между «первым» и «вторым» измерением мышления встречается у Льва Шестова в тексте «Второе измерение мышления». Говоря о философии своего времени, Шестов полагал, что его современники столь уверились в своем научном образе мышления, что превратили его в единственное возможное. Этой одномерности мышления Шестов противопоставляет мысль «древних», допускавших или скорее ощущавших «второе измерение», лежащее за привычным a priori. Ларюэль предлагает превратить «второе измерение», выталкивающее мышления за его привычные рамки, в «первое». Таким образом, внешнее, привычно составляющее неассимилируемый отброс мышления, должно стать его отправной точкой. — *Прим. пер.*

Эти правила отправляются от видения-в-Одном(м), выступающего сутью науки. Уход от теории самозарождения философии сулит ряд выгод и новых теоретических возможностей. К двум из них следует привлечь внимание: изменение смысла и истины критической функции (мы не будем возвращаться к этому) и обоснование строгой прагматики философии. Почему «строгой»? Предположим, что видение-в-Одно(м) — модус мышления, который пребывает в одном единственном Одном, автономном относительно Бытия и выступающим реальным основанием (по определению незаметным для эпистемологии) науки. Кроме того, предположим, что описание Одного будет необходимо скорее научным, чем философским. В таком случае, в нашем распоряжении будет строгая практика (приспособленная к предмету, хотя и не «позитивистскому») или научная практика философии. Возможно, что мышление слишком долго злоупотребляло унитарным постулатом, который вынудил философию поверить, что она может законодательствовать о реальном и науке, двух инстанциях, которые находят свой общий корень в Одном. Теперь пьянящие чары этого постулата спадают, и мы можем предложить решение (*solution*), которое покажется поспешным умам, постулирующим самодостаточность философии в деле постижения сути вещей, простым переворачиванием их собственной практики. Однако это решение сведется к множеству неизбежных воздействий науки — видения-в-Одно(м) — на философию. Тем не менее, речь не пойдет об очередном сведении философии к науке, что было бы тождественно очередному «решению», но о научной работе над философским материалом в последней инстанции.

Понятно, что можно продолжать мыслить философски. Более того, мы бываем вынуждены отвечать на призывы Принципа самодовольной философии. История, самокритика, критика философии в опоре на понятие Иного — возможности, которыми философия имеет полное право распоряжаться. Но также можно ограничить стихийную унитарную веру, которая определяет традиционное самоисполнение философии. Помимо

знания о сущности решения, наука о философии, построенная на видении-в-Одно(м), подразумевает своего рода «трансцендентальную дедукцию» философии из науки в тех реальных и законных пределах, которые может определить только эта наука. Если наука, корректно разработанная через видение-в-Одно(м), — это трансцендентальный критерий философии, а не один из предметов последней, это значит для философии две вещи. Первое: произвольная работа философии в режиме веры-в-себя-как-в-реальность оказывается трансцендентальной иллюзией, а соблазнительный зов объективной явленности философии — галлюцинацией (галлюцинируется не явленность, но объективность), тогда как для науки, спасенной из лап философии, повсеместно не мерещится упомянутая объективность. Из первого следствия вытекает второе: на основе реального применения решения станет возможным обновить практики решения и обосновать реальное применение философской фантастики и галлюцинаций философии (до сих пор выступавших виртуальными) — не-философию.

На сегодняшний день греко-философское наследие непрерывно муссируется, погрязая в стерильной и консервативной возне с апориями. Сейчас, даже в большей степени, чем раньше, философия трансформировалась в такую возню. Ее держат в ежовых рукавицах старые «решалы» и более молодые «революционеры», которые — стар и млад — думают, будто вновь делают философию интересной посредством непрерывного перетряхивания старых «проблематик» или совершения очередного «переворачивания», однако они просто воспроизводят нормы. В свете такого положения дел настоятельно необходимо воздать должное не-философскому принципу, вокруг которого может быть реорганизована не столь конвенциональная и нормированная практика философского мышления. Старый унитарный постулат о Единстве-противоположностей, который порождает бесконечные игры и закольцованные апории, эдакие замкнутые на себе тропинки (иногда их удастся разомкнуть или переместить в другое место), кажется нам осново-

полагающим и изначальным, естественным и неотвратимым. Но, возможно, для мышления нет ничего более важного и изначального, чем этот постулат. В схожем ключе тональная гармония важна для додекафонизма или более анархичных техник музыкальной композиции (существует философский сериализм). В конце концов, это особая система, которая настолько кристаллизовалась, что сумела сойти за изначальную природу мышления. Только впоследствии удалось обнаружить ее трансцендентность и искусственность, которые воспрещали доступ к имманентности мышления, точно так же упомянутые техники музыкальной композиции воспрещали доступ к имманентности звука. Возможно, что Философское решение — только стадия мышления: «докубизм», предшествующий кубизму, Возрождение с его законами перспективы или сам кубизм, на смену которому придет «Абстракция». Даже если не-философия не приносит больших изменений, а другие поколения, которые, как и мы, не позволят запереть себя в своей истории, будут искать иные способы изменить это положение дел, никакая предельная мыслительная инстанция (никакое греческое решение) не воспретит нам трезво взглянуть на мышление и изобличить философию и ее «самодовольную» практику как консервативную и стереотипную деятельность. И философские обвинения в совершении «насилия» не мешают нам справиться с этой болезнью, ведь описание *Одного-в-Одно(м)* покажет, что именно философия по природе своей непрерывно совершает насильственные акты и произвольные решения, порождая трансцендентность без реального основания. Именно поэтому необходимо найти дофилософский базис мышления.

Нам хорошо известно, что философия может казаться исчерпавшей себя, а истоки ее традиции — обреченными на сверх-эксплуатацию. Но ничего из этого, хотя философы и догадываются о перечисленных пороках, не мешает им верить, будто они «работают», ведь они чудесным образом умеют превратить эту истощенность в новую возможность, которую они смогут воплотить. Чтобы избежать этого кругового движения и не под-

держивать философию в тонусе, следует обновить мышление, как по части его возможностей (*pouvoir*), так и его использования. Это внешнее обновление мышления пройдет под знаком науки о философии. Вплоть до сих пор прагматика была исключительно побочным продуктом философии, но мы ищем прагматику для самой философии, прагматику, понятую как ее научное применение, основанное на философских играх. Если мы все еще чувствуем обязанность сетовать на философию, то отныне эти жалобы будут исходить от науки, а не от философии. Так или иначе, наука сетует на философию только в той мере, в какой уже позитивно применяет последнюю и вписало ее в такое мыслительное пространство, из которого становится возможным категорически и безапелляционно выносить суждения о философии.

Не-философское покушение на философию, и вопреки всему оно носит непротиворечивый характер, — единственный шанс «выйти за пределы» нарциссизма философии и ее отсылки на свою историю и тексты. Оба этих феномена стали способом, каким унитарная мысль желает потреблять себя до скончания веков. Это не значит, что следует полностью забросить тексты и проблематики прошлого в пользу суетливого поиска нового предмета. Еще до обнаружения нового предмета истинное обновление философии начинается открытием обоснованной и непротиворечивой возможности научного или «не-философского» использования ее высказываний, текстов и проблем. Греко-унитарное прочтение Мира, Истории, Языка, Власти и других философских авторитетов остается допустимым и, возможно, даже желательным. Однако оно не ценно само по себе и не может претендовать на роль предельных смысла или истины Мира, потому что оно сводится к простому материалу, который подготовили для совсем иной мыслительной работы, предназначенной определить философски невозможное, но все же совершенно реальное применение свойств этого материала.

Это значит, что изобретение философии, точнее — ее не-философское изобретение, не состоит в простой интенсификации

(*exacerber*) того вымысла и экспериментов (виртуальностей), что уже содержит философия. Такое переизобретение требует иного, нежели воображение, чувство инакового или возможного. Не помогут и разговоры о пересечении, взаимодействии или интерцессии серий. Эта последняя возможность, представленная всем перечисленным, была чудесно отработана современной мыслью. Однако практиковать философию в такой манере — значит повторять ее, исключая «различие». Современность практикует философию, прибегая к трем разновидностям повторения, с каждым из которых возрастает разрыв относительно традиции. Первый разрыв порождается самым слабым, но надежным повторением, выраженным обращением к истории философии. Второй и самый интенсивный разрыв, а значит — самое плодотворное повторение, — это интерпретация истории философии в качестве работы имманентного или самопроизводящей машины (Ницше, а потом и Делез). Разрыв, больше всего удаляющий от истории философии и образующий нечто неоднородное ей, самое угрожающее и смущающее повторение — это деконструкция (Хайдеггер, а затем — Деррида). Но «не-философия» не сводится ни к одному из этих повторений или бесконечному изучению того же самого (*tautologie*). Не-философия предлагает радикально иначе распорядиться философией, изменить ее функцию. Радикально, поскольку такое изменение предшествует изменяемому, а не взаимно определяется им. Таким образом, в качестве новой практики не-философия не определяется своим эмпирическим «предметом» или случайно подвернувшимся под руку «материалом».

Возможный парадокс состоит в том, что предшествование⁸ науки — в качестве видения-в-Одно(м) — по отношению к фи-

⁸ Чтобы обозначить предшествование Ларюэль использует не слово из обиходного языка, но научный термин «*précession*», прецессия. Слово обозначает изменение оси вращения тела. Например, при вращении волчка прецессия наблюдается, когда волчок постепенно начинается замедляться, а ось его вращения изменяется (меняет положение его верхней точки), что можно наблюдать эмпирически. Таким образом, метафора волчка подразумевает, что не-философия или видение-в-Одном будет основанием волчка, которое и определяет траекторию, по которой движется его верхняя точка — философия. — *Прим. пер.*

лософии (или трансцендентальная дедукция второй в виду⁹ или на виду первого) торжественно открывает новое поприще философии, куда менее стерильное, чем ее «повторения», каждое из которых основывалось на претензии справиться с реальным и с самой собой и, в силу этого, обреченных на трансцендентальную иллюзию и обоснованную стерильность. Свержение или разжалование принципа достаточной философии (ПДФ) становится условием, позволяющим воспрепятствовать самоощипованию и самопотреблению мышления, происходящему *в* и *посредством* (*курсив мой — пер.*) философии. Научная точка зрения учит нас отделять философское самодовольство от мышления. Однако подобная научность не воспрещает философии быть простым сырьем, которое будет обрабатываться наукой согласно определенным требованиям и методам. Когда решение освобождается от иллюзорных требований и больше не подвержено искажению или обесцениванию, оно может стать частью нового мыслительного режима и встать на службу к тому, кого оно пыталось поработить: человеку, человеку-как-Одному.

Новые ресурсы мышления обнаружатся только в результате ранее невиданного слияния между автономной наукой и второй философией, но не в результате изобретения новых модулей философского решения или его унитарных самодостаточных применений, чьим следствием будут ограниченность и самоуправство греческого решения, обреченного на сверхэксплуатацию. Мы не будем поспешно заявлять, что здесь вырисовывается «новый альянс», предлагаемый старым врагам. В большей степени это соглашение о вечном мире между наукой и философией, соглашение, отныне основанное на науке, а не подтасовываемое философией в свою пользу, как это сло-

⁹ Обиходное употребление предполагает, что дедукция совершается «из», однако в оригинале автор употребляет не *de*, но несколько странное *en vue de* (ввиду, чтобы, с целью). Однако скорее всего автор пользуется этой конструкцией не как синонимом предлога «pour» (для, с целью), но хочет обыграть дословное значение этого выражения : *en* (в) *vue* (виду) *de* (чего-то). Этот нюанс может быть значимым, поскольку одно из ключевых понятий настоящего текста — видение-в-Одном. — *Прим. пер.*

жилось исторически. В движении от науки к философии стало возможным установить демократичное и мирное сообщество. «Не-философия» — символ грядущего взаимопонимания и работы, которая может быть проведена этим сообществом.

Изменение функции философии и уход от ее традиционных функций

Принцип не-философии, вокруг которого мы пытаемся построить мышление философского типа, должен быть осмыслен во всей его радикальности. Радикальность не означает «революционность», но по сути своей иное-нежели-революционное мышление. Мы предпочитаем говорить, что речь идет о научной мутации или сдвиге мышления, а не философской революции. Мы отбросим традиционные философские амбиции — эти галлюцинации — и будем отстаивать «конечность» (что то же самое, что «радикальность» научной позиции), которая во всех отношениях куда более скромна, чем философское безумие, не ведающее о самом себе. Не-философия — сдвиг или мутация синтаксиса и грамматики философии, а не ее предмета или тем. Однако такого определения недостаточно: это сдвиг или мутации как синтаксиса, так и ее опыта реальности: это геологический слой, представленный философией, — слой, наконец-то нашедший свое реальное основание. Речь не о производстве новых правил мышления и письма, но о предельном опыте, в котором философия может быть дана человеку. Скорее реально данная, чем мнимо данная, как это бывает, когда философия производит свою самовыдачу извне. Таким образом, правила не-философии — это не правила Единства-противоположностей и их приложений в виде операций решения и полагания, Переворачивания и смещения. Они не довольствуются постановлением о том, что решение и полагание более не существуют. Хотя эти правила не могут быть названы формальными, они совершают оттиск хаоса, являя реальность, лишенную философской телеологии и, в частности, сокровен-

ной телеологии философского, которое считает себя частью как реальности, так и человеческой реальности. Во что превращается философия? Как только она используется как материал или подвернувшаяся под руку вещь (*occasion*), она теряет свое традиционное целеполагание, укоренившееся в «стихийной (*spontanée*) философской вере». Эта вера образует круг: она провоцирует практику философии по этическим, юридическим, научным и эстетическим причинам — причинам, внешним по отношению к ей. В то же время философия пользуется этим целеполаганием, чтобы восторжествовать и утвердиться, ставя эти причины себе на службу, в качестве деятельности, достигшей совершенства, «неотвратимой» и абсолютной. Любая прескриптивная деятельность (этика, педагогика или т.п.), нормативные, самонормативные или «опробованные на опыте» привычки — вся скрытая или явная телеология стихийной философии должна быть оставлена: она не должна быть уничтожена, но должна рассматриваться как простой материал и отныне практиковаться в таком качестве. В любом случае, не-философия — новое пользование философией в целях, которые не сопряжены с пониманием, объяснением, прояснением, предметным описанием или описанием отдельных предметных областей, ни даже с критикой или деконструкцией, но в философски незапрограммированных целях на основании «простого материала» для науки и практики, имеющих совсем иной исток или сущность.

Такое «в́идение» философии, немного «мистическое» в смысле идеи трансцендентности, которую подразумевает это слово, формулирует для себя не-философия, согласно строгим правилам, призванным произвести «объективное» знание. Эти правила нужны не для того, чтобы лучше понять Мир или философию, отправляясь от них самих, или поспособствовать отчуждающему внедрению в них человека, но в последней инстанции насладиться и распорядиться безграничными возможностями, открывающимися через и для человека-как-Одного или субъекта науки или субъекта-науку. Это не познание посредством понятия,

не производство и потребление смыслов, не рациональная деятельность, но строгое знание, которое может вытекать из реального владения-наслаждения (*jouissance*) или видения-в-Одно(м) самого разума. Например, если структурализм и, в более обоснованном и трансцендентальном ключе, сериализм свели мышление к осуществлению формы без субстанции или работе реляционного и позиционного, то не-философия сводит мышление к опыту форм и субстанций, упорядоченному и обоснованному опыту, предшествующему разъединению формы и субстанции, отношения и позиции и т.д.

Не-философия — отказ мыслить, опираясь на Мир, Трансцендентность и ее атрибуты (истории, экономики, языка), исходя из уже существующей философии и традиции. В видение-в-Одно(м) вложена трансцендентальная редукция, поэтому в глобальной перспективе оно рассматривает Традицию как трансцендентность, которую следует взять в скобки, по меньшей мере в ее претензиях на законность и действительность. Если стихийная (*spontanée*) философия в силу своей конституции ссылается на собственную трансцендентность, если ее текущая практика калькируется (исключая некоторые разрывы) с уже существующей практикой, с ее прошлым и ее объективной Явленности, то не-философия пользуется философией, исходя из того, что может Один или человек, расцениваемый как конечный. Это мышление, которое представляет исключительно Одно, которое описывает его внутреннее пространство, не претендуя описать Мир и уже существующую философию, но использует их как простой материал. Насколько философия стихийно «фигуративна» или «образна» в широком смысле (другими словами, она описывает заранее выданную фигуру Мира, языка, предметов или фигуру трансцендентного Бытия), настолько не-философия «абстрактна» — укоренена в имманентном-бытии Одного и, как следствие, способна обеспечить строгое и обоснованное знание мира и философии в последней инстанции.

Манипуляция философским решением и его пределами

Рассматривать философию не-философски — значит сочетать: 1) вынесение за скобки принципа самодовольной философии, идеи о власти философии над собой и реальностью. Именно это позволит рассматривать ее как обычный материал: не «в целом», но, разумеется, из перспективы, в которой этот принцип был устранен, перспективы реального и видения-в-Одном или науки. Для Мира или действительности не-философия не будет иметь смысла или хотя бы представляться возможной, однако она будет таковой для субъекта науки и субъекта-науки или с точки зрения человека-как-Одного; 2) соблюдение, сохраняя их расстановку, но полагая в качестве материала, «материала», структур и норм, присущих философскому решению и его многочисленным модусам.

Следовательно, никто не пытается вторгнуться в философию, мнимо считающуюся законной или самодостаточной, с претензией непрерывно снабжать ее научными методами, тем самым дробя ее на части, или изолировать некоторые из ее правил, с целью комбинировать или соотнести их с какими-то иными элементами [нежели с теми, к которым уже применялись эти правила] в надежде породить смеси — новые модусы философского решения. Первое уничтожило бы само решение, второе уничтожило бы науку, а точнее предполагало бы, что она встанет на службу новых решений. При таком раскладе речь бы шла о «философском» хаосе. Проблема не-философии состоит не в трансформации философии, исходя из того, как она дается сама себе, или в изменении литературных жанров, форм, стилей и техник письма. Прежде всего, не-философия подразумевает мутации (ее переживает человек или субъект) нашего отношения к философии и предварительного вынесения за скобки принципа самодовольной философии. Смысл не-философии кроется в ином, нежели в простом смешении дисциплин, которое будет выгодно только философии.

Философию следует использовать за пределами нее самой, но, с одной стороны, она должна использоваться как материал (не следует пренебрегать целостностью ее работы), а, с другой стороны, использоваться, пребывая на виду у мышления, не имеющего ничего общего с философским.

У нас есть право обработать решение, только если представляется возможным априорно рассматривать его как простой материал, тем не менее сохраняющий свою целостность, что возможно только с точки зрения науки или видения-в-Одно(м). Такое видение навязывает этому материалу реальную, а не действительную¹⁰, трансформацию, и она произойдет в опоре на действительный характер этого материала. Однако, этот проект едва ли может считаться более уместным, чем проект трансцендентальной науки, исходящей из видения-в-Одном. Основываясь на полученном хаосе философских возможностей, можно более свободно рассматривать их или вторгнуться, если мы того захотим, в правила производства некоего текста, а не только в правила техники его написания, однако следует принимать в расчет, что такое вмешательство означает пребывание по ту сторону философского решения или совсем иную манеру мыслить. Важный нюанс: вместо производства новых философий внутри существующих решений или правил когерентности решений вместе с их константами, производства новых онтологических или ницшеанских многообразий, вместо смешения или спаривания Спинозы и Юма, Ницше и Гуссерля, греческого Логоса и иудейской фигуры Другого, надлежит перейти к более сложной операции — к «манипуляции» реше-

¹⁰ Ларюэль пишет: «une transformation seulement réelle plutôt qu'effective, mais qui peut utiliser à cette fin son effectivité». В этом месте автор различает «реальность» и «действительность». Действительность — измерение, порожаемое философским решением. Несмотря на пафосные именованья философских построений как «галлюцинаций» или «вымысла»/«фантастики», Ларюэль не отрицает, что эти решения, проникая в реальное/реальность (по меньшей мере в настоящем введении это синонимичные вещи), порождают целые Миры. В этой логике Миры образуют смесь реальности, не тронутой решением, и самих решений. Таким образом, «реальное» тождественно очищенному от решения, тогда как «действительное», напротив, выстраивается на нем. — *Прим. пер.*

нием, которое происходит в оптике науки, посредством и для науки, которая страшится легитимировать решение и обосновывать его. Следует придерживаться идеи о научной манипуляции правилами производства и грамматики философских систем. Такая манипуляция будет обоснована в видении-в-Одно(м). Это не будет прибавлением или вычитанием новых правил, сохраняющих целостность формы решения и принципа самодовольной философии; ни попыткой применить к философии риторические или литературные коды, которые подразумевают порождение крайне хорошо продуманных метафорических эффектов; ни внутренней деформацией некоторых правил философии, но гетерономным рассмотрением решения, исходя из правил, которые не могут быть ассимилированы решением — научных правил. Только крайняя «дуалитарная»¹¹ разнородность, а не «унитарное» различие, только радикальная редукция решения может обосновать право на такую трансформацию философии и пользование ей. Поскольку надлежит «ускакать» от решения, упомянутые правила пользования философией абсолютно чужды ей: они не прибавляют никаких новых граней к тем, какими она уже определяется. Разумеется, не-философия — это открытие нового пространства, но пространства для философии. Пребывая в этом пространстве, можно воспринять решение как частный случай реализации «не-философии». Это квази-пространство может быть описано как совокупность воздействий, производимых на решение, обогащающих его и усложняющих его. Однако это пространство образует условия, о которых нельзя сказать, что они внутренне присущи самому решению. Таким образом, это пространство не исчерпывается своим материалом.

Пример возможного искажения не-философии часто отсылает к термину «философская фантастика». Как только устраняется принцип самодовольства философии, она признается

¹¹ Автор соединяет прилагательные «duel» и «unitaire», получая «дуалитарный», которое противопоставляется философски-унитарному. — *Прим. пер.*

иллюзией или даже галлюцинацией, по меньшей мере если мы говорим о ее приложении к реальности. Если это галлюцинация, к которой не причастна суть человека, позволительно рассматривать ее, но только в качестве вымысла. Однако она выступает галлюцинацией для Одного или науки, а не мира и действительности. На деле философия сама по себе — это состоятельное и систематическое мышление, которое нельзя легко преобразовать или сбить с курса. С ее собственной точки зрения, она — рациональный и связный дискурс. Поэтому она может показаться галлюцинацией с точки зрения науки, которая не позволяет преобразовать ее изнутри, при этом сохраняя ее стихийную претензию. Устранение принципа самодовольной философии освобождает реальность, но не позволяет экспериментально преобразовать само решение: оно может измениться только в пределах, обозначенных им самим. Эти правила научного переписывания мышления образуют нашу единственную возможность манипулировать решением извне. Любые другие правила будут исходить из принципа самодовольной философии. Не-философские правила не могут пребывать одновременно внутри и снаружи относительно решения, поскольку это внешние ему правила. В то же время само решение не выступает внешним правилом, но предполагает их как условие своей реальности, условие в последней инстанции. Вот почему дискурс, произведенный согласно этим правилам, больше не действителен или даже непостижим для философии: он не может быть раскодирован при помощи ее критериев и синтаксиса. Следовательно, нельзя сказать, что правила не-философии преобразуют философское решение на уровне его действительного воплощения, в то же время оставляя его философским решением: наука и философия не обладают одним и тем же опытом «того же самого», как и одним опытом «самого» решения. Речь идет о совсем ином применении философии, полностью чужеродном ее практике самоисполнения, поскольку такое применение по праву и по очередности, другими словами, по самой реальности, предшествует решению. Оно предшествует

этому самоисполнению даже тогда, когда фактически используется философским языком: научное применение слова априорно предшествует философскому применению того же слова или того, что философия мнит тем же словом.

Понятие не-философского пользования философией должно быть ограничено. Этим термином мы обозначаем такое пользование, которое совершается исходя из мышления видения-в-Одном, — такого мышления, над которым больше не властна философия. Речь больше не идет о взаимном влиянии между философией/литературой, философией/искусством, — отношении, которое можно проинтерпретировать заново силами самой философии, что предполагает действие Принципа самодовольной философии. Мы говорим о совсем ином использовании языка и даже означающего. Ином использовании философского и литературного языков, введения иной сцены, отличной от литературной или текстовой в философии. О введении научной сцены. Она предполагает конкретную работу над решением, и как раз такая работа выступает реальным содержанием идеи «не-философии».

Не-философия как «человеческая философия»

Хаос и хора философских решений означают равносильность этих решений, отсутствие отличий между ними, невозможность выбрать между ними. Однако эта потеря интереса к философии, это безразличие к метафизике, компенсируется, даже сверхкомпенсируется (хотя это не экономическая проблема обмена, но проблема истины) двойным выигрышем:

— 1 — Открытие реально беспредельного поля комбинаторных возможностей, не замыкающихся в понятии, лежащих вне рациональных норм и даже вне решения. Речь больше не идет о таком размыкании замкнутого, которое вновь замкнуло бы мышление. Задача не в оказании не-философского воздействия на философию, ведь так мы все еще полагали бы ее работоспособной, но в погружении мышления в разомкнутость,

или даже в открытость в качестве его сущности, а не просто-го полагания его в качестве события, атрибута или инаковости. Мышление погружается в открытость, которая являет себя не посредством переворачивания или смещения, но всегда уже явлена Одним, чьим коррелятом она и выступает.

Любые деконструктивистские проекты упорядочивают и смягчают философскую критику, все еще практикуя ее и претендуя познать автора лучше, чем он знал сам себя. Они же мягко воют при помощи подозрения, «испытания деструкцией», лукавой интерпретации, а также практикуют насильственное помещение в структуру или серию. Наконец, они выявляют немислимое, не-высказанное и предполагаемое, делая критику основной частью своей деятельности. В то же самое время не-философия больше не считает критику своей главной работой. Она рассматривает философию самым актуальным и позитивным способом: как материал, лишенный власти над собой, как стерильный хаос, но без рессентимента или одной и той же нескончаемой стратегии, материал в его завершенной актуальной форме. Если у нее и есть «цель», то эта цель имманентна: порождать не-философские возможности посредством философии. Необходимо непосредственно «извлечь» эти возможности из самого материала, поставить его на службу их производству и выявлению. Это творческая задача, работа, требующая открытости скорее по определению, нежели в силу случайности или в силу дополнения/восполнения. Таким образом, не критика философии, исходящая из подозрения, не война интерпретаций, а применение философии в качестве материала, «подвернувшегося под руку» (*occasion*), или «системы сигналов» для формирования более свободных, но менее закодированных, иллюзорных и галлюцинаторных высказываний.

— 2 — Радикальное очеловечивание мышления, которое перестало быть трансцендентным *Factum*'ом или Миром, чтобы превратиться в коррелят Одного — человека, приведенного к своей сущности. Переход от греко-светской философии к «человеческой философии» — это не антропологическая субъ-

ективация, а превращение мышления в бесконечную и беспредельную, но обоснованную научно, репрезентацию сути человека как субъекта науки и субъекта-науки. Самопроизвольной философской Явленности, которая мнимо кажется объективной и неотвратимой, а также соблазняет и одновременно привлекает человека в принудительном порядке, чтобы тот отождествился с ней, противопоставляется производство не-философской «субъективной» Явленности, данной человеком и для человека, — Явленности, где с человеком отождествляется философия, а не наоборот. Не-философия — это подлинное и неотчужденное понятие «народной философии», сопротивляющееся вульгарной трактовке. Традиционно наиболее возвышенное использование языка, выраженное его использованием-от-логоса или использованием в рамках философской прагматики, — это его эксплуатация, зависящая от множества решений или ограничивающих априори, которые образуют капитал Логоса. Не-философская прагматика снимает это ограничение и перераспределяет доступный материал, исходя не из экономических правил и, в частности, экономического закона редкости, но распределяя его между каждым человеком. Философия может реально стать философией «для всех» или «народной» философией, только став не-философией.

С одной стороны, философия приходит в негодность для человека. По меньшей мере для его сути. Если она продолжается цениться человеком, поскольку он, как и она, пребывает в Мире (это трансцендентально контингентные данные), то она же приходит в негодность из перспективы Одного или человеческой сути. Философия более не может претендовать на изменение этой сути, как она всегда того хотела, дополняя или восполняя человека троицей, состоящей из смысла, истины и ценности. Теперь ее удел — быть материалом для описания человеком, которое не претендует на изменение его сути. С другой стороны, новые правила, обоснованные в рамках науки или видения-в-Одном должны быть достаточно либеральными и не принудительными, чтобы допустить чужеродное пользо-

вание философией. Это нужно, чтобы не-философия не была практикой одного человека, оказавшегося перед традицией. Подобная ситуация была характерна для унитарной практики. Отношение Традиции, кажущейся данностью, к индивидуальному решению, которое должно отождествиться с ней как с объективной философской Явленностью, должно быть замещено другим отношением: отношением корпуса реально всеобщих (*réellement universelles*) научных практик и правил к индивидам, не подверженным отчуждению. Тем индивидам, которые сохраняют свою неотчужденность, индивидуальность или человечность только через эту практику.

Функция и статус философии полностью меняются из-за человека, теперь определяющегося как видение-в-Одно(м), как субъект науки или субъект-наука. Она больше не нужна, чтобы помыслить человека, иными словами, — «трансформировать» его, «обеспечить» его пресловутой сутью. Если человек обращается к философии, то он переживает бесконечное само-порабощение. Корыстное Безумие (*folie intéressée*) — это желать преобразовать не только то, что может быть Миром, действительностью или самой философией, но и пытаться преобразовать реальность, которая не может быть ими. Корыстное безумие — пытаться преобразовать человека как обладающего сущностью в Одном. Человек может и должен преобразовать философию и согласовать ее с реальностью именно потому, что он не может быть изменен.

Представляется позитивистская карикатура или своего рода слоган (который также может быть понят как историцистский или диалектический). Так или иначе — это унитарный слоган: «Философия мертва. Да здравствует наука о философии!». Философия не только пребывает по ту сторону смерти и жизни, о которых она так много говорит, но еще соединяет их таким образом, чтобы можно было игнорировать их, не считаться с ними или ничего не знать о них. Но субъект науки или субъект-наука не может поставить проблему будущего философии в таком ключе. Ведь этот субъект — человек, ординар-

ный человек, погруженный в имманентнейшую жизнь. Как философия может послужить этой в превосходной степени имманентной жизни, если философия теперь задается наукой и не может воздействовать на нее в ответ? — вот новая проблема, вытекающая из видения-в-Одно(м), взирающего на философию. Эта наука не отрицает философию, она отрицает только принцип самодовольной философии или ее галлюцинации о реальности. Решение как таковое продолжает существовать, оно не трансформировалось в-себе, оно просто лишилось своей магической власти над человеком, поэтому теперь последний может еще лучше созерцать его. Если мы и совершили трансцендентальную редукцию, то это было спонтанно и естественно, мы не опирались на операции решения или полагания. Эта редукция нависла над решением, но не нарушила его целостность. В таком виде наука вручает это решение человеку, чтобы тот мог наслаждаться и распоряжаться им, не подвергаясь ни объективации, ни воздействию самого решения. Равносильность любых философских решений не только лишает его ненависти по отношению к другим или вины за свою ненависть, но и помогает ему обрести эти решения вкупе с их притязаниями и безумием, которое, однако, потеряло свою действительность. Науке, открывшейся себе самой или человеку как своему субъекту в видении-в-Одном, было достаточно совершить один неявный жест, чтобы философия отступила в хаос или хору, лишаясь своих скреп и избавляясь от любых попыток совершать всякое неблагоприятное само-изложение. Когда философия была вытащена вовне посредством Одного и одновременно в Нем, как и избавлена от своих архаичных претензий на реальность, проистекающих из природно присущих ей операций решения и полагания, она перестала притворяться всеобщим континуумом мышления о реальности. Человек как субъект науки или субъект-наука больше не сводится к фигуре зрителя-философа, который выставляет себя на показ, выносит на свой счет решения и позиционирует себя посредством логоса и объективной Явленности философии (способ, каким ре-

шение практикует свое самоизложение). Если человек желает сообщества, он найдет его, но не на основе этой Явленности.

Безразличие, с которым субъект науки или субъект-наука воспринимает философию, — позитивно, оно учреждает новые отношения с ней. Сообщество исследователей, объединенных научной практикой и вынужденных отречься от стихийной философской войны, все еще может посвятить свои усилия тому предмету, который образует философия, и изобрести его новое использование, новые эмоции от него, новое взаимодействие с ним, произвести иные возможности, которые не будут запрограммированы греческим открытием и унитарной практикой, которую оно предполагает.

В этом введении, как и во всем тексте, который раскроет его, мы будем говорить о не-философском принципе, обосновании этого принципа и его не-унитарном смысле, его правилах и процедурах. Мы оставим в стороне его воздействие на практические условия мышления, обновления которого он требует. Однако быстрое перечисление таких воздействий поможет сформировать идею о потрясениях, которые неизбежно будут введены в практику мышления. Например:

1 — Индивидуальные и коллективные условия производства не-философских текстов: станет невозможным сохранить соответствующие роли творца системы, интерпретатора (или критика-посредника) и потребителя текстов. Все эти роли будут с необходимостью перемешаны: если не-философия должна совершаться всяким человеком и «для» всякого человека, а не философией для других людей, то в таком случае «человеческая» рецепция не-философии — это априори, которое регулирует его производство, а не наоборот¹². Очевидно, этот принцип не впадет в философское противоречие, только если не-философия основывается на возвращении человеку его реальной сущности. В таком случае человек, понятный как Одно,

¹² «...la réception «humaine» de la non-philosophie est l'a priori qui règle sa production, plusôt que l'inverse».

радикальный субъект не-философии или радикальный субъект-не-философия, предшествует решению, которое простирается от «вульгарного» человека до философа, и полаганию этого решения как парадигмы человека.

2 — Условия не-философского письма: невозможно сохранить прежние универсальные жанры, характерные для философского стиля (система, труд (*oeuvre*), доктрина) и его техники письма (диалог, эссе, трактат). По эту сторону линейного философского решения, мы находим своего рода глубокий рассказ (у всех философов, а не только у одного Гегеля), основанный на отсылке к тому, что предположительно реально. Апелляция к фактам или репрезентативность не просто не были искоренены, но оказались усилены «постнововременным» стилем. Работа мышления освободится из пут этих двух феноменов, а они сами — устранятся, только посредством полного изменения функции философии. Отношение философии к искусству, литературе, роману и поэзии, совокупность ее ограничивающих решений и ее «экономия» должны уступить место тому, что мы называем всеобщей не-философской Видимостью. Не сводясь к всеобъемлющему мышлению, которое претендует в очередной раз обобщить все разновидности опыта, не-философия скорее размещается в единственном — во всей реальности — месте, где можно соединить действие философского, поэтического, религиозного и научного вымысла. Однако это соединение произойдет с учетом того факта, что эти грани вымысла, не выступающие продолжением философии или поэзии в воображаемой форме, скорее выступают отражением целиком-иного или не-философии в зеркале философии, поэзии и других дисциплин.

Скажем в последний раз: философия как греко-стихийное использование мышления — то самое, которое продолжает нормировать реальность, человека и науку — уже не просто отстает от наук и искусств. Вопреки ее серийным и деконструктивистским революциям, философия просто-напросто обошла стороной изменения, которые спасли ее от увядания в ее теку-

щей форме: монотонно повторяющегося и консервативного занятия, лишённого воображения, нахмуренного хранения традиции, внушающей нам, будто именно она однажды и навсегда решила, что представляют собой суть мышления и человека. Философия превратилась в эксплуатацию мышления во всех смыслах слова.

Philosophy and Non-philosophy. Introduction

François Laruelle — Université Paris-Nanterre, Paris,
France; email: francois.laruelle@free.fr

The text makes one of the most important demarcations delineating the subject field of non-philosophy: between this latter and philosophy proper, which appears as relativized «moduses, effects, or particular cases that cumulatively point to a new thinking». This new thinking, which is non-philosophical in character, regards the philosophical as empirical, as datum, as its own raw material, rejecting all self-sufficiency of philosophy (looping in itself as its own foundation, reducing every problem to the necessity of justification within philosophy) called by the author «The Principle of Sufficient Philosophy». The task of non-philosophy is to factualize philosophies and thus to put philosophical belief, which is fundamental, according to Laruelle's thought, and unchanging in all its modulations, out of brackets. Such a quasi-transcendental reduction rests on the One, whereas factualized philosophies turn to chaos/chora, conceptualized as «useless philosophical raw material» operating around the non-philosophical Real-One through «seeing-in-the-One». Partly mystically described by Laruelle, «vision-in-One» is a fundamental non-philosophical operation, «a modus of thinking that resides in one single One, autonomous with respect to Being and acting as

the real foundation of <...> science», a new kind of thinking in general in which — as in the ultimate experience — «philosophy can be given to man». The gain envisioned, as Laruelle believes, by such a demarche is the opening up of «an infinite field of combinatorial possibilities» that will not be self-enclosed through the gesture of the repetitive structurally homogeneous gesture of the «philosophical solution», but will thus find a way out. Finally, and perhaps most importantly, is the «radical humanization of thinking, which has ceased to be transcendent Factum's or the World, in order to become the correlate of the One — the human being brought to its essence».